

Сергей САМАРОВ

ПАРНИ В БРОНЕЖИЛЕТАХ

Москва 2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.

С17 Парни в бронежилетах / Сергей Самаров. — Москва : Издательство «Эксмо», 2017. — 320 с. — (Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-93174-3

Жизнь уже сталкивала их на узкой тропе. Оба служили в Иностранном легионе плечом к плечу. Бербер по кличке Термидор дезертировал из армии, подстерег русского Сергея Ангелова, который шел по следу, и смертельно ранил его. Теперь этот зверь в человеческом обличье появился в Москве, чтобы устраивать теракты по приказу международной террористической организации. И теракты, коварные по своей простоте. Террористы будут убивать людей по случайному выбору и без всякой причины. А это значит, что теракт практически невозможно предугадать и предотвратить. Но Термидор не знает, что Сергей Ангелов «воскрес» и снова охотится за ним...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2017

© Оформление.

ISBN 978-5-699-93174-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2017

ПРОЛОГ

1

В этом кабинете на одном из верхних этажей большого здания ООН в Нью-Йорке редко бывают люди. Кабинет постоянно подключен к сложнейшей системе сигнализации и обеспечения безопасности. Специалисты говорят, что здесь невозможно поставить какую-либо подслушивающую аппаратуру. Внутри экранированных стен не работают ни компьютеры, ни телефоны сотовой связи. Единственный телефонный аппарат, связывающий кабинет с внешним миром, соединен прямым экранированным кабелем с приемной Генерального секретаря.

Посреди кабинета стоит круглый стол. Вокруг стола шесть кресел. Одно — для самого Генерального секретаря, пять — для постоянных членов Совета Безопасности.

— Нам не надо объяснять, господин Генеральный секретарь, сложившееся положение... Все мы одинаково осознаем его и понимаем свою ответственность перед будущими поколениями... — говорит один из постоянных членов Совета Безопасности.

— Терроризм гораздо страшнее чумы и, похоже, обладает всеми признаками эпидемии... — вторит ему другой. — И потому нам необходимо принимать кардинальные меры для пресечения этого зла...

— Какие дополнительные меры мы в состоянии принять?.. — третий постоянный член Совета настроен

скептически. — В то время, когда мы пытаемся что-то предпринять, большинство развитых государств заняты тем, чтобы помешать нам. Гуманисты всех мастей постоянно поднимают шум о нарушении прав человека при проведении каждой антитеррористической операции... И это связывает всех руки.

Четвертый постоянный член Совета недобро ухмыляется:

— Это они сгоряча и по инерции... Старое мышление... Не могут перестроиться... Причем их протесты распространяются до тех пор, пока терроризм не коснется конкретно их стран. После этого они становятся сговорчивыми... Если немного подождать, не останется ни одного государства, которое пожелало бы быть в стороне.

— Тогда эпидемия может принять необратимый процесс... — говорит Генеральный секретарь. — Мы не имеем возможности ждать. Потеря времени — преступна.

— А кардинальные меры, — возражает пятый постоянный член Совета, — сами по себе преступны. Бороться с терроризмом методами террористов — это как раз и означает, что эпидемия уже поглотила нас всех!

— И тем не менее бороться мы обязаны... — говорит первый постоянный член Совета. — Меры, принимаемые отдельными государствами, пока дают мало результата. Не так много толку, как ожидалось, от Интерпола... Поэтому я полностью поддерживаю идею создания своего силового блока, подчиненного только Совету Безопасности и наделенного правом на уничтожение заразы в корне...

Пятый член перебирает лежащие перед ним бумаги. Он не ищет в них что-то конкретное. Он так преодо-

левает собственные принципы, потому что они вступают в противоречие с инструкциями, данными ему руководством представляемого им государства. Он обязан подписать документы, хотя не желает этого делать. И потому выставляет очередное слабое возражение:

— Таким образом, мы нарушаем все принципы гуманистического общества, которое стараемся построить. Более того, мы не спрашиваем согласия конкретных стран на действия на их территории и нарушение их законов. Это чревато последствиями. Создав прецедент, мы даем возможность нашим последователям сделать следующий шаг, а он может оказаться еще более неправовым...

— Мы уважаем мнение нашего коллеги, — говорит Генеральный секретарь, уже зная, что документы подпишут все, — тем не менее я не вижу других способов решения проблемы... Я предлагаю подписать документы. После ратификации главами государств и правительств они смогут принять силу состоявшегося акта.

— Почти террористического, — нервно говорит пятый постоянный член, пододвигает бумаги к себе и подписывает.

Экземпляры документов передвигаются по кругу.

— Что теперь?

— Теперь... — Генеральный секретарь оглядывает всех поочередно. — Теперь наступает время действовать, не дожидаясь ратификации. Нас очень торопит время. Каждый потерянный час, даже каждая минута могут стоить жизни сотням людей. Я уже начал прорабатывать организационные вопросы. Финансирование антитеррористической группы «Пирамида» пока осуществляется из фондов Совета Безопасности. На первых порах затраты невелики. Правительства США и Великобритании на время организационного периода

берут на себя большую часть финансовых расходов. И помогают нам в материальном обеспечении. Сейчас я хочу представить вам человека, который конкретно займется организацией и возглавит ее... Ваша задача утвердить его в должности и познакомиться с тремя его помощниками... Все они люди, имеющие опыт работы в силовых структурах различных государств. Думаю, не стоит заострять внимание на том, что все они — мусульмане, поскольку в настоящий момент именно из мусульманского мира идет самая главная угроза терроризма. У каждого из этих людей есть свои кандидатуры для оперативного состава. Это будет костяк. Остальное будет набираться в рабочем порядке...

— Приглашайте... — за всех соглашается первый член Совета.

2

Зимний ночной ветер все-таки лучше дневного. Ночной с суши идет в сторону моря и не всегда бывает постоянным, а дневной, тягучий и безостановочный, безрадостный в эту пору, несет с моря соленую сырость... С возрастом кости от него начинают болеть... Впрочем, в конце декабря и с суши идет такая же сырость. От этого уже никуда не денешься. Климат... Летом жарко, зимой промозгло... А особенно такой холодной зимой, как нынешняя... Давно уже такой зимы не выпадало. И что только говорят болтливые языки о всеобщем потеплении... Но Роже даже к такой погоде привык и к другому не стремится, потому что жаркий ветер на него действует хуже — испытал в Алжире, знает... К жаркому ветру его организм приспособлен хуже. А что такое сырой северный... Подумаешь... Он вырос в этих краях, жизнь прожил здесь же и не слыш-

ком страдает от непогоды. Более того, местная ему даже милее любой другой...

Он белокурый и рослый, до старости крепкий мужчина, хотя и носит французскую фамилию, все же гордится тем, что его предки-викинги пришли сюда под предводительством конунга Роллона, высадились со своих драккаров¹, прогнали многочисленных местных жителей — тороватых фризов — и заявили, что будут жить здесь. И даже потомок самого Карла Великого Карл Простоватый, французский король, не решился с ними воевать, прислал послов с предложением признать его власть и править захваченной землей от его имени. Более того, отдал за Роллона, в христианстве Роберта, свою дочь и дал зятю титул герцога². Так родилось Нормандское герцогство, которое потом и Англию покорило, сделав ее королей на многие годы французскими вассалами. Но память о далекой северной земле предков более давних всегда жива в нормандцах. Здесь, в Онфлере, таком небольшом в сравнении с соседним Гавром, стоит самая старая в Европе деревянная церковь, построенная на манер скандинавских церквей. Летом тысячи туристов съезжаются сюда посмотреть на церковь, на соляные склады седьмого века, оставшиеся еще от фризов. Да и просто отдохнуть в умеренном мягком климате.

Роже сохранил не только все физические данные, оставленные могучими викингами потомкам, но даже их характерную суровую воинственность. Именно потому после войны в Алжире, награжденный двумя медалями и орденом, он и пошел служить в охрану порта Онфлер, где почти уже дослужился до пенсии. И быва-

¹ Драккар — парусно-гребное судно викингов.

² Исторические события 911 года.

ло, порядком доставалось от его тяжелых кулаков вора́м и грабителям, падким на добро, приходящее в порт. Хотя порт-то большей частью рыбацкий, но зимой сюда часто приходят суда, которые не принимают в перегруженном Гавре. Для этого выстроена специальная огороженная площадка, уставленная морскими контейнерами. Ее охрана — обязанность Роже. Теперь служить меньше месяца осталось, а потом Роже пойдет на покой, будет внуку старые легенды рассказывать, как ему самому рассказывал его дедушка. Легенды, конечно же, о норманнах-викингах, чтобы внук знал и гордился...

Сегодня снег жесткий, секущий лицо, хотя хлопья и крупные, мокрые. Морщиться заставляет. Роже неторопливой походкой идет среди ряда контейнеров, помахивая большим фонарем. Он любит порядок, педантичность и потому осматривает каждый боковой проход. Чуть в стороне идет его напарник — заика Лефлер. С Лефлером в паре работать хорошо, говорит не много, но много делает. Ответственный, хотя и молодой. Доходя до боковых проходов, Роже видит, как в соседнем ряду мелькает фонарь Лефлера, а Лефлер видит его фонарь. Так они всегда ходят, сигнализируя друг другу, что все в порядке.

Ряд заканчивается. Теперь поворот направо. Роже надо пройти через ряд, чтобы занять следующий свой, а Лефлер пройдет по промежуточному. Роже останавливается, дожидаясь напарника, и отворачивает лицо от бьющего по глазам снега. Думает о рождественском подарке, который присмотрел для внука в сувенирном магазине — модель настоящего драккара с полосатыми парусами. Эх, впору себе такой же драккар купить... Тоже была бы радость...

Лефлера все нет. Что он так долго?..

Роже оборачивается и поднимает фонарь. Сигналит им и не видит ответного сигнала. Значит, что-то там, в том ряду, не в порядке... Может, контейнер вскрыт?.. Роже морщится от снега и шагает ветру навстречу. До следующего ряда надо пройти всего два судовых контейнера, стоящих бездверными торцами вплотную друг к другу, — двенадцать метров, двадцать шагов... И с каждым шагом Роже чувствует приближение беспокойства. Хотя Лефлер и заика, но крикнуть он может... Почему не крикнул?

Роже на ходу отстегивает клапан кобуры. Охране полагается оружие, пусть и не совсем серьезное — стандартный полицейский револьвер «манурин»¹, но стреляющий резиновыми, а не боевыми пулями. В голову попадешь — убить можно, а в корпус — ребра переломает. Но Роже пока не кладет руку на рукоятку. Встречи с грабителями портовых контейнеров — редкость в жизни охранников. Кто такие эти воришки... С ними, как правило, можно кулаками обойтись. За всю службу Роже только дважды оружие доставал, но ни разу не доводилось стрелять. Не любитель выстрелов и Лефлер... У заики кулаки еще потяжелее, чем у нарника.

Роже поворачивает за угол крайнего контейнера и останавливается. Ему даже фонарь включать не нужно. Он видит заику лежащим навзничь рядом с распахнутой контейнерной створкой второго с краю контейнера. Так и не вытащив револьвера, Роже шагает к Лефлеру, склоняется над ним, став на одно колено, и только тут понимает, какую ошибку он допустил, не направив луч фонаря сначала за створку. Створка контейнерной

¹ Французский полицейский револьвер «манурин» со сменным барабаном, калибр 9 мм, выпускается с 1980 года.

двери распахивается сильнее, оттуда выходит человек с мешком на плечах, а следом за ним второй, без мешка. Роже пытается встать, одновременно хватая первого вора за штанину, но тут же получает сильнейший удар тяжелым башмаком в лицо. Удар наносится в то время, когда Роже находится в самом неустойчивом положении, и он отлетает через проход, ударяясь головой о соседний контейнер. Но опытный охранник и армейский ветеран не теряет присутствия духа. Видит, что противник приближается к нему, а он не успевает достать револьвер до того, как тот нанесет новый удар. И потому он блокирует ногу руками, чтобы не досталось голове, и умышленно отлетает подальше, отталкиваясь ногами.

Вор делает в сторону Роже два неторопливых шага.

— Тебе что, старик, жить надоело? — спрашивает голос с легким непонятым акцентом. — Лежи уж и не дрыгайся... Целее будешь...

Роже видит говорящего. Здесь, за контейнером, ветер не бьет в лицо, и смотреть можно не морщась. И не такая уж темнота кругом, чтобы ничего не разобрать. Противник среднего роста, не слишком крупной комплекции, хотя видно, что гибкий. Лицо обмотано черным платком. Не закрыто маской, как обычно делают сейчас те, кто не желает себя показывать, а именно платком.

Роже воевал в Алжире. Он знает привычку арабов обматывать платком лицо. И потому сразу думает, что перед ним араб. И акцент... Не алжирский, но арабов много, они бывают разные, они даже друг друга не всегда сразу понимают, и акцент у всех разный...

— Вот и правильно... — чуть насмешливо говорит грабитель, рассматривая распластанную по мокрому асфальту фигуру. — Отдыхай, старик...

Вор медленно поворачивается, чтобы отойти, и только в последний момент видит, что на него смотрит ствол револьвера, и застывает. Несколькими секундами раньше Роже успел достать оружие. Он уже готовится встать, но его заставляет задержаться взгляд вора. Лицо скрыто платком, и в полумраке трудно разобрать, что выражают глаза, но Роже почему-то кажется, что человек насмехается. Не испугался оружия, в себе уверен и именно насмехается... Так и не встав, Роже отрывает от асфальта локоть и поднимает ствол выше с откровенным намерением, но не успевает выстрелить. Казалось бы, что сложного в том, чтобы согнуть с некоторым усилием указательный палец. Но Роже отчетливо видит, как гораздо быстрее этого его простого движения выпрямляется рука человека с лицом, обмотанным платком, и раздается негромкий звук, словно кто-то без силы в ладошки хлопнул. И только в последний момент, перед тем как потерять сознание, Роже понимает, что у вора в руке пистолет с глушителем. И даже успевает сообразить, что такие пистолеты не носят простые воры...

— Я же говорил, старик, не суетись... Мне жаль...
Но слов Роже уже не слышит...

* * *

Раненых охранников находят только утром, когда приходит смена. Срочно вызывают врачей, сообщают в полицию. Полицейский участок недалеко, и полиция появляется раньше врачей. Хотя, может быть, полиция поспешила потому, что среди пострадавших назван Лефлер, а инспектор полиции, как весь маленький город знает, второй из братьев-близнецов Лефлеров, не заика. Заика тоже мечтал стать полицейским, но его

не допустила до такой работы медицинская комиссия. Именно из-за заикания.

Брата-охранника увозят. Он так и не приходит в сознание, чтобы сказать хоть слово брату-инспектору. У него пуля застряла в голове. Врач только головой качает:

— Мы сейчас вертолет закажем... В Гавре делают нейрохирургические операции... Может, дотянет...

— А может и не дотянуть? — В глазах брата-инспектора нет никакого чувства, только лед, но лед свирепый, жгущий своим холодным, неподвижным дыханием.

— Пятьдесят на пятьдесят... Слишком долго пролежал... Хорошо хоть лежал на холоде... Это может его спасти...

Роже уже в сознании. У него дырка в легких. Сквозное ранение. Дышать трудно, не хватает воздуха, как ни перевозмогай боль, как ни старайся раздуть некогда мощные легкие сильнее. При разговоре даже шепотом на губах появляется розоватая пузырчатая пена. И стекает из уголка рта на подбородок.

— Как ты, «старый викинг»?.. — склоняется над носилками инспектор. «Старым викингом» Роже зовут только хорошие друзья. Инспектор никогда в их число не входил, но, наверное, наслышан от брата.

— Арабы... — тихо говорит Роже.

— Что было в контейнере?

— Удобрения... Сельскохозяйственные... В мешках...

— Зачем арабам удобрения?.. — инспектор сомневается. — Они в наших краях огородов не держат...

Он так привык, что воры в порту бывают только местными, что иного предположить не может.

Роже поднимает руку. Видно, что ему больно, но он

себя пересиливает. Изображает рукой круговые вращения вокруг лица.

— Голова замотана... Платок... Так арабы носят... И...

Тяжело переводит дыхание. Не вздыхает, а именно переводит дыхание. Медленно, с остановками из-за боли в груди. С закрыванием страдающих глаз.

— Что еще?

— Акцент... И...

Опять переводит дыхание. Несколько судорожных попыток вздохнуть глубже. Теперь глаза закрываются на целую минуту. И открываются только тогда, когда санитары поднимают носилки, чтобы закатить их в машину, и даже наполовину закатывают. Жест рукой, останавливающий санитаров.

— Что? — Лефлер-инспектор ставит в салон медицинского фургона ногу, чтобы приблизиться к лицу Роже.

Голос охранника слабый, едва слышимый:

— Это... боец... Воин... Спецподготовка... Бьет правильно... Пистолет с глушителем...

Инспектор вытаскивает из кармана целлофановый пакетик с двумя гильзами. Показывает Роже.

— Гильзы от «глока»... «Глок» не бывает с глушителем...

— Нет... Не «глок»... «Глок» больше... Этот с глушителем...

— Сколько их было?

— Я видел... двоих... Был третий... Шаги... слышал...

— Хватит... — врач убирает трубку сотового телефона. — Операционная готова к приему. Завтра допросите, как отоспится...

Санитары берутся за задний край носилок, собираясь вкатить их в фургон полностью. Роже делает новый